

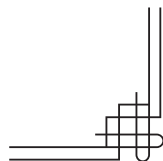
ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	5
Алые небеса	5
1.	7
2	21
3	37
4	60
5	79
6	94
 Глава вторая	 109
Влияние созвездия Демона.	109
1.	111
2	127
3	150
4	169
 Глава третья	 193
Добыча хвамы	193
1.	195
2	210
3	232
4	250
5	268

АЛЫЕ НЕБЕСА

Глава четвертая	.289
Возвращение на круги своя	.289
1.	.291
2	.306
3	.323
4	.341
5	.358
Глава пятая	.373
Песнь-прогулка по небосклону	.373
1.	.375

*20-й год правления Седжона
(1438, год Желтой Лошади)
24 января по лунному календарю*

Рам открыл глаза. Перед ним расстился мир алого цвета — хотя нет, он лежал, а потому видел скорее краснеющее небо. Слышалось хныканье Мансу. Юноша пощупал место, где лежал: одеяло и подушка были рядом. Значит, то, что он видел, не небо — это всего лишь потолок. Рам попытался вспомнить, что с ним приключилось.

Он шел через Кёнхверу. Хотел добраться до Соунгвана, где другие сотрудники наблюдали за рассветными звездами. Произошло землетрясение: совсем небольшая тряска, но все звуки вокруг были очень странными. Кто-то звал его по фамилии, а потом в голове одна за другой возникли сцены из прошлого. И тигр... Он точно его видел, а значит, зверь не принадлежал миру людей. Потом Рам от испуга ступил назад и бухнулся в пруд. Дальше воспоминания обрывались.

— Мансу.

— Да, господин? — всхлипывая, ответил он. — Вы чуть не утонули...

— Где мы?

— В комнате.

— В какой?

— В одной из комнат дворца. Стражники увидели, как вы лежите рядом с прудом, поэтому отнесли вас сюда. Но, кажется, упали вы все-таки в воду...

— Кто меня спас?

— Вы сами оттуда выбрались... Разве нет?

Этого он не помнил. Неужели снова провалы в памяти?

— Какой сегодня день?

— Двадцать четвертое января.

Тот же день. На улицу он вышел сегодня на рассвете.

— А который час?

— Солнце едва встало.

Времени прошло совсем немного. Какое облегчение. Но как же он выбрался из воды? Неужели его телом опять овладела какая-то нечисть?

— Ха... — вновь раздался странный зов, и он снова звучал прямо внутри его головы. Это точно был тигр.

Рам подорвался с постели, громко вскрикнув, и стал отползать назад.

— Что, — удивленно спросил Мансу, — что с вами?..

Спина юноши коснулась перегородки — дальше он не мог двигаться. Закрыв глаза и снова открыв их, Рам заметил, что сквозь красную пелену прорывается нечто похожее на фигуру человека. Зов, который он слышал сейчас, походил на утренний, но издавал его, кажется, совсем не тигр, а девушка, еще не совсем взрослая, но точно уже не ребенок.

— М-мансу... В комнате есть кто-нибудь, кроме нас?

— Нет. Сюда заходил только врач, но он недавно ушел. Позвать его снова?..

— Нет-нет, все в порядке...

Девушка перед ним улыбнулась и вновь произнесла:

— Ха.

— Мансу... Ты слышал это?

— Вы о чем?.. Что с вами, господин Ха? Это уже жутковато...

— Н-нет, ничего такого...

Рам продолжал видеть и слышать странные вещи, но ради Мансу притворился, что все в порядке, и просто моргал, не в состоянии найти нужные слова. Он подумал, что сможет поговорить с ней так же, как с той старушкой на улице.

АЛЫЕ НЕБЕСА

— Кто ты?

Но вместо девушки ему ответил давящийся слезами Мансу:

— Г-господин Ха, что с вами? Неужели тут кто-то есть? Мне очень страшно...

— Ах, извини. Я, видимо, все еще толком не проснулся...

Может ли он говорить так, чтобы мальчик его не слышал, как тогда, с той бабушкой? Но Рам понимал, что в этот раз все совершенно иначе — старушку он слышал через уши, ее слова не раздавались голосом в голове. Выходит, не все существа, которых он видит, одинаковые. Как ему объясняла пожилая женщина, глаза юноши не видят духов, которые когда-то были людьми, и самих людей. А значит, девушка перед ним — не человек и не дух. Ее не видит Мансу, и голос ее звучит совсем иным образом — выходит, она не то же, что и нищенка с торговой улицы.

— Ха, неужели ты снова забыл меня?..

Говор ее как у тех, кто когда-то давно жил на территориях Ханяня, и особенности его даже более сильные, чем у тех старых ханянцев, ныне переселенных в Янджу. Девушка разочарованно покачала головой:

— Глупый.

— Кто это? — прозвучала мысль внутри его головы, немой вопрос.

Услышав это, незнакомка расхохоталась:

— Хорён¹. Ты же сам меня так звал. Всегда.

— Хорён?.. Я? Звал?..

— Да. Хорён! Вот так. А я тебя вот так звала — Ха!

Она точно слышит его мысли — так они и разговаривают. Девушка посмотрела на него своим милыми глазами и глубоко вздохнула.

— Эх... И почему я каждый раз должна тебе это объяснять? Глупый.

Если она постоянно объясняет ему одно и то же, значит, они видятся уже далеко не в первый раз, но Рам никогда раньше ее не видел и даже не помнил встречи с ней. Одежда на Хорён была не самой современной и походила на ту, что носили в Корё². Сложно

¹ Дословно означает — «богиня-тигрица».

² Корё — государство, существовавшее на территории Корейского полуострова с 935 по 1392 г. Предшествовало Чосону.

ЧЖОН ЫНГВОЛЬ

сказать, сколько ей лет, но Рам видел не так много других женщин, чтобы сравнивать.

- Тогда тот тигр сегодня на рассвете...
- Это я. Ты уже говорил, что в твоих глазах я похожа на тигра.
- А то, что я вижу сейчас?
- Это тоже я. Ведь уже не раз объясняла...
- Это, случайно, не ты спасла меня из воды?
- Я.

Девушка подошла ближе и пристально посмотрела в лицо юноше.

- Хм... У тебя что-то попало в глаз.
- Что же?..
- Не знаю. Передо мной такие существа не появляются.
- А можешь это убрать?
- Мне не важно, что с твоими глазами, — ярко улыбнувшись,

ответила Хорён, — главное, что ты меня видишь.

Божество в облики тигра. Рам подумал, что девушка перед ним могла быть хранительницей этих земель, о которой когда-то рассказывали Ли Яндаль и та старушка.

- Почему ты все это время не появлялась?
- Я уснула. Когда я в последний раз открывала глаза, тебя нигде не было. Сколько бы я ни звала тебя, ты не отвечал. Я была так зла и расстроена... Но теперь мне лучше.
- Сколько же ты спала?
- Не знаю, — смеялась она. — Кстати, а что такое «Хон Чхон Ги»? Ты постоянно повторял это. Даже когда был под водой. Очень громко...

*20-й год правления Седжона
(1438, год Желтой Лошади)*

1 февраля по лунному календарю

— Хон Чхонги... Насколько я знаю, это нечто похожее на девчонку?..

Несмотря на колкие шутки Чхве Гёна, девица Хон спокойно вошла на территорию академии. Но не успела она переступить порог, как была схвачена за шиворот.

- Эй! А ну, пусти!

АЛЫЕ НЕБЕСА

— Я слышал обо всем от Ёнука, но не думал, что ты действительно теперь тут работаешь.

— Тьфу! Вот же щенок плешиный, всем уже наплел...

— О тебе вообще любят посплетничать. Твое имя у всего района с языков не слезает! Дуреха!

— И поэтому ты так сильно меня ждал?.. Ну очень хотел со мной увидеться, да? Ха-ха!

— Эй!

— Кстати, ты ж меня недавно снова не узнал, да?

Чхве Гён смутился и, отпуская Чхонги, откашлялся.

— Ой, я так и думала! Снова стоял и смотрел на меня, пока я не заговорю первой. И это я дура?

— Кончай разглагольствовать! И вообще лучше уходи отсюда. Или ты так сильно хочешь услышать, как тебя назовут сумасшедшей?

— А с чего это я сумасшедшая? Все вопросы к начальству. Я вообще ничего не сделала.

Он не мог молчать: пожалуй, Чхве был предводителем всех художников, выступивших с протестом перед начальством. «Вы что, с ума там все посходили?» — это была самая мягкая фраза, на которую он был способен.

— Тогда тебе придется держаться до конца!

Выражение лица Хон было таким невинным, что ей совсем не шло.

— Но я ведь такая хрупенькая и слабенькая...

— С-слабенькая? — скривил губы Чхве Гён. — Как ты смеешь... Да ни в ком нет столько упрямства, сколько в тебе! Что за бред?..

— Ну нетушки. Такой порядочной и скромной девушке, как я, нет никакого смысла идти работать в академию. Правда ведь?

— Да ты похуже большинства мужчин здесь!

— Вот-вот. Тогда в чем проблема?

Чхве взглянул на нее и тяжело вздохнул.

— Академия — это не то же самое, что «Пэк Ю», — тихим голосом произнес он. — Твоему таланту конец.

— Мне просто нужна кисть, — ответила девушка, снимая накидку. — Неважно, что за рисунок. Главное, чтобы я могла его написать. — Она посмотрела прямо на Чхве. — Когда мы вообще самостоятельно выбирали, что изобразить?

— Я о привычке. Если будешь писать так, как этого требуют в академии, ты быстро привыкнешь и даже не заметишь этого.

— Говорю же — неважно. Нет нужды соглашаться с теми, кто считает, что одноцветные картины — благородны, а цветные не имеют ценности. Твои навыки лишь расцвели после ухода в академию, так может, и у меня так будет? Если бы я не видела твоих работ, я ни за что не пришла бы сюда.

Возразить на эти слова было нечего. Чхонги глубоко поклонилась Чхве:

— Позаботьтесь обо мне, господин Чхве! Я буду примерной ученицей.

Художник рассмеялся от абсурдности ситуации:

— Ой, а так мне даже нравится. Именно последнее, что ты сказала.

Взгляд девушки скользнул за плечо Чхве. Рядом с другими правительственными учреждениями начали понемногу собираться люди. Непонятно почему, но ее сердце сильно колотилось.

— Эй, придурок, а Соунгван где-то тут? Поблизости?

Чхве обернулся и посмотрел на здания. Конечно, он уже догадался, зачем Хон об этом спрашивает, настолько все было очевидно.

— Конечно. Главное здание вон в той стороне.

— А где именно?

— За углом. Ты что, снова...

— Я зайду туда на минутку. Скоро вернусь!

Чхве едва успел схватить уходящую Чхонги за воротник.

— Какая девчонка станет торчать перед Соунгваном все утро?! Тем более это всего лишь главный корпус. Здания Соунгвана разбросаны тут и там, даже на территории дворца есть.

— Я только взгляну на его ворота! Прошу, отпусти меня!

— Эй! Я же сказал, он внутри дворца! Дуреха.

— Да знаю я! Просто хочу посмотреть, даже если меня никуда не пустят.

Девушка Хон стянула руку художника и побежала к главному корпусу. Чхве успел только раскрыть рот и неловко уставился на нее.

— Эй, эй! Вот же хулиганка... Ты бы хоть накидку сначала надела!

АЛЫЕ НЕБЕСА

Словно услышав его, она тут же укрыла затылок верхней одеждой.

— О, это же Светлячок?

Чхве сразу понял, что это Чха Ёнук, поэтому ответил, даже не отводя взгляда в его сторону:

— Ну конечно! Разве есть еще в Чосоне такие девицы, как эта дуреха?

— А куда это она? Академия ведь прямо здесь.

Чхве немного помолчал, а затем с усмешкой ответил:

— Наша Блошка влюбилась. Не может прийти в себя.

— Что?! И в кого же? Что такого этот бедолага мог наворотить в прошлой жизни, чтобы сейчас так расплачиваться?..

— Не знаю, что там в прошлой, но в этой он грешит тем, что сводит женщин с ума своей внешностью.

— Ого! Я бы на него взглянул...

— Можешь не ходить, — Чхве обхватил уже выдвинувшегося в путь Ёнука за шею и потянул назад, — там никого нет.

— Тогда зачем ей туда?..

— Сказала, что хочет посмотреть хотя бы на ворота в месте, где тот работает.

— А дальше?..

— Это и я хотел бы спросить.

— Светлячок и вправду совсем умом тронулась...

— Она пришла работать в академию будучи женщиной, — сказал Чхве, утаскивая товарища за собой в здание академии. — Станет ли таким заниматься кто-нибудь в здравом уме? Чует мое сердце, в этом году быть большой беде...

Рам собирался было переступить порог Соунгвана, но тут его окликнули:

— Господин Ха?..

Это был голос Хон Чхонги. Он замер и посмотрел туда, откуда исходил звук, но, разумеется, не увидел там ничего, кроме красной пелены. Художница не могла находиться в такой день в месте, где стоят правительственные здания, поэтому он понимал, что, и зрячий, Рам вряд ли бы ее увидел. Мансу, идущий перед ним, вдруг обернулся и воскликнул:

— Ого! Художница Хон!

Державшая трость рука юноши вздрогнула. Он попробовал прислушаться, но с той стороны, откуда только что доносился голос, не было ни единого звука: ни приветствия, ни чьих-либо шагов.

- Она правда здесь?..
- Да, вон там.
- Художница Хон? Вы тут?

Ответа не последовало. Рам в нетерпении думал, почему же Чхонги не отвечает: злится ли она или юноша совсем ей неинтересен, или, возможно, ей все еще страшен один лишь его вид. В душе он надеялся, что ни одна из этих причин не подходит. Рам двинулся в сторону, откуда слышал ее голос, ощупывая землю тростью, но в ответ лишь тишина. Конец палки нервно двигался туда-сюда, пока наконец не затронул подол чьих-то одежд.

- Ах... Вот и пришел. Прямо ко мне.

Голос Чхонги раздался совсем рядом. Между каждой сказанной ею фразой были длинные паузы, поэтому ему сильно захотелось увидеть ее лицо самому. Если ей грустно, то насколько? Если она переполнена радостью, то как сильно? Если она злится или напугана... Он хотел бы обо всем этом знать и постараться утешить ее.

- Почему вы не отвечаете?

Потому что Хон была настолько счастлива, что ей пришлось бороться с желанием подбежать и обнять его. Она боялась, что стоит ей издать звук — и она обязательно заплачет, вот и пришлось держать слова в себе.

- Не хотела вам докучать...

— Ну что вы! Вы мне вовсе не докучаете, госпожа Хон. В противном случае стал бы я пытаться найти вас своими незрячими глазами?

Мамочки! Он снова назвал ее госпожой. Чхонги прижала руки к щекам, чтобы унять волнение. Было крайне маловероятно, что они встретятся. Но девушка все равно встала рано утром, чтобы умыться и привести себя в порядок на случай таких неожиданностей, как эта. Рам находится с ней в одном городе, под одним и тем же небом — значит, всегда есть шанс его случайно увидеть. Кажется, после сегодняшнего она точно больше не сможет перестать об этом думать.

АЛЫЕ НЕБЕСА

— Тогда я очень рада. Правда... Можно мне здороваться с вами и дальше?

— Разумеется, знакомые же люди. Тогда я тоже могу с вами заговаривать?

— Конечно-конечно! Сколько душе угодно.

От нервов Чхонги разговаривала слишком громко: девушка готова была взмыть в небо от радости, и то, что ей удавалось держаться хотя бы кое-как, уже вызывало в ней гордость.

— Но как нам... вести себя друг с другом?

— Я тоже не совсем понимаю...

— Какая вы обычно с художником Чхве?

— Мы с ним не особо близки, но если так подумать... В основном мы только и делаем, что ссоримся и деремся.

Рам нащупал плечо девушки, затем сжал кулак и легонько коснулся его, словно хотел ударить:

— Вроде того?

Вот же проклятье! Даже малейшее прикосновение от него заставляло сердце Чхонги трепетать. Она погладила плечо, приняла серьезный вид и сказала:

— Нам не обязательно вести себя точно так же. Давайте попробуем что-нибудь другое.

— Ладно. Тогда выясним это вместе. Постепенно, — он широко улыбнулся.

Как замечательно... Только девушке хотелось запретить эту улыбку, потому что она не давала ей думать ни о чем другом.

— Ах да! По какому делу вы тут в такой ранний час?

— Я пришла посмотреть на ворота в Соунгван, и вы оказались здесь! Ха-ха! Вы так хорошо сюда вписываетесь!..

Ой... Кажется, она была слишком честна с ним. И смех вышел какой-то неправильный... Девушка Хон мысленно шлепнула себя по лбу.

— А зачем вам было смотреть на ворота?..

Чхонги, не в состоянии дать вразумительный ответ, громко расхохоталась. Ее щеки покраснели. Девушка продолжала смеяться, а смущение все никак не уходило, и ей подумалось, что первым делом стоит научиться смеяться потише. И тогда она придумала оправдание — точнее, более точное объяснение в сравнении с тем, что она только что сказала.

— Я шла в художественную академию... Ах да! С сегодняшнего дня я там работаю. Вы в последнее время не заезжали домой? Я уже сообщила Дори об этой новости...

Юноша был так удивлен, что на некоторое время совсем потерял дар речи.

— Я не знал, — Рам едва нашел, что сказать, — и дома давно не был. А чем вы занимаетесь в академии? Полагаю, что рисуете, но вы же девушка...

— Пока я там в качестве студентки, но после недолгого обучения стану работать мастером.

— Это временно?

— Нет. Мне и чиновничий ранг дадут. Наверное, для вас это смешно, ранг-то совсем низкий, и все же...

Выражение лица Рама стало серьезнее. Между бровями пролегли хмурые складки. Странное чувство неприятно жгло его грудь. Он понял, что это за ощущение, когда представил, что Чхонги находится одна среди множества мужчин. И все, кроме него одного, на нее смотрят — а Рам просто не может. Это и вызвало горечь в сердце.

Девушка следила за его реакцией и ждала ответа. Но он не проронил ни слова.

— Слышала, вы не вылезаете из Кёнбоккуна. Но, оказывается, иногда все-таки прогуливаетесь?

— Начиная с сегодняшнего дня — буду. Есть у меня тут дело. А вы правда станете работать в академии?

— Да. Ой, мне уже пора идти, так что...

— Идите, конечно.

И только?.. Ладно похвала, но неужели он ее даже никак не поздравит? Сегодня им удалось встретиться, но когда они увидятся снова? Чхонги не знала, как ей об этом спросить и услышит ли она ответ, поэтому ненадолго призадумалась и в конце концов развернулась, напоследок поклонившись. Если она продолжит вот так здесь стоять, то опоздает в первый же день учебы. Но когда она прошла всего пару шагов, Рам потянул ее за руку. Удивленная, девица Хон посмотрела в его красные глаза.

— Я закончу пораньше. А вы, госпожа Хон?

— Не знаю. Это мой первый день. А что такое?

АЛЫЕ НЕБЕСА

— Если это возможно, может, встретитесь со мной сегодня?

— Ч-что?.. Да! Конечно. Конечно, давайте! Но я не знаю, когда закончу, так что ничего не могу обещать...

— Пусть тот, кто закончит первым, подождет второго. Буду ждать вас у здания академии, но если вы закончите раньше, никуда не уходите и стойте там. Я к вам приду.

Он придет. Придет... Обещает, что придет. Чхонги повторила эти слова про себя несколько раз.

— Хорошо.

Они договорились не ждать дня, когда снова случайно пересекутся, что было гораздо более волнительно, чем встретиться ненароком. И это чувство они делили на двоих. Смотря друг на друга, молодые люди мило улыбались. Проблема заключалась лишь в том, что вокруг было полно чиновников, внимательно за ними следивших.

— Так держать, Блошка. Скажи, тебе обязательно было флиртовать с господином Ха на глазах у кучи людей?

Девушка Хон продолжала улыбаться, не обращая внимания на ворчание Чхве. Она сидела в небольшой мастерской академии, но выглядела так, будто вокруг расстилались сплошные поля с ромашками.

— Я же не опоздала, так в чем проблема?

— То есть для девчонки не проблема смотреть мужчине в глаза и хихикать с ним? Еще и середь бела дня!

— Как я могла смотреть ему в глаза, если он даже не видит?..

— По-твоему, дело только в этом? — цокнул Чхве. — Он слепой, зато ты-то зрячая!

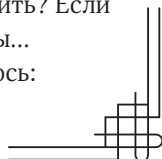
— Считаю, что я была ослеплена в тот момент и совсем ничегошеньки вокруг себя не видела.

Вдруг девушка перестала улыбаться. Она забеспокоилась и сказала:

— Но что, если у него из-за этого будут проблемы?..

— О себе бы лучше поволновалась, — сказал Чха Ёнук, сидевший рядом. — Как ему вообще это могло навредить? Если у кого-то и будут проблемы, то только у тебя. Тьфу ты...

Раздраженное ворчание Чхве только продолжалось:

— Раз уж ты здесь оказалась, веди себя поосторожнее! Мир крайне жесток к таким девицам, как ты. Астроном Ха тоже мужчина. Ему не будет нужна девушка, о которой ходят подобные слухи. Хочешь, чтобы к тебе относились, как к дешевой игрушке?

Если бы к ней относился так кто-то еще, Чхонги была бы в ярости. Но если то же самое сделает Ха Рам — она только сильно расстроится. Этого не произошло на самом деле, но сердце девушки уже начинало ныть.

— Я буду осторожнее. И у меня есть с собой нож.

— Что?! Эй, дуреха! А ну убери его! В твоем случае нож — не инструмент, а смертельное оружие!

Чхонги лишь оттолкнула тянущуюся к ее воротнику руку Чхве Гёна и сказала:

— Но есть в этом кое-что странное.

— Что?

— Почему вам можно со мной болтать и хихикать, а ему — нет?

Для окружающих оба случая выглядят одинаково, но они с самого детства привыкли так себя вести, поэтому воспринимали подобную манеру общения как что-то само собой разумеющееся. Чтобы не отвечать на вопрос, Чхве и Чха от нее отвернулись.

— И у меня есть один вопрос...

— Ну что там? Надоела.

— Женский смех. Как он должен звучать, чтобы мужскому уху было приятно?

— Понятия не имею, но точно не как твой.

— Эй!

— И твое «эй» — тоже полная противоположность женственности. Посмотри, как ты разговариваешь! Разве ты не обещала, что будешь уважать меня, как старшего товарища?

Чхонги села и быстро опустила голову.

— Прошу прощения, художник Чхве. Может, мне научиться смеяться, как хозяйка «Чхон Мун»? Ее смех очень женственно звучит.

— Совсем не женственно, скорее коварно.

— У Кён Джудэк приятный смех, — сказал Ёнук, недолго подумав. — Гораздо более женственный, чем ее внешний вид.

Чхве Гён кивнул. Чхонги вспомнила смех экономки и постаралась засмеяться так же, как она, но в меру своих возможностей.